

Цзян Шаочжи уделял Тун Цинхэ больше своего личного времени и брал его с собой, если это не было слишком сложным делом.

У Цзян Шаочжи появилось чувство вины перед Омегой. Тун Цинхэ всегда все честно рассказывал ему и советовался. Теперь он намеренно что-то скрывал от него. Цель была проста: он просто не хотел, чтобы Цзян Шаочжи чувствовал себя виноватым, и чтобы тот спокойно выполнял свою миссию.

У Тун Цинхэ всегда была душевная травма. Цзян Шаочжи вспомнил, как Тун Цинхэ рассказывал ему о двух своих отцах. На поле боя всегда опасно, и военные, сражающиеся там, всегда стремятся остаться в живых и выполнить миссию, пока ситуация не станет безвыходной. Кто захочет умереть на поле боя, если есть возможность этого избежать?

С одной стороны, смерть — это героизм, а с другой, если думать эгоистично, то что делать тем, кто остается дома в долгом ожидании? Смерть одного означает смерть двух, разрушение целой семьи.

У Цзян Шаочжи хватало сил быть эгоистичным. Пока он добивался новых заслуг своей силой, единственное, что он должен был сделать, это вернуться живым к Тун Цинхэ.

Он был человеком неэмоциональным. Увидев, как Тун Цинхэ похудел от волнения, и то, что он ничего не говорит, притворяясь, что ничего не произошло, Цзян Шаочжи молча наблюдал, чувствуя, как его сердце разрывается, и в нем образовывалась тонкая трещина.

По дороге Цзян Шаочжи, который постоянно держал Тун Цинхэ за руку, вдруг извинился. Тун Цинхэ, не понимая, тихонько пожал его руку. Издалека он действительно выглядел как послушная и разумная маленькая женушка.

Он сказал:

— Дядя, мне не страшно, ты можешь взять меня куда угодно.

Куда Цзян Шаочжи осмелится взять, туда он осмелится пойти.

Цзян Шаочжи не хотел расставаться с Тун Цинхэ, и, кроме того, он хотел, чтобы все его подчиненные знали о существовании Тун Цинхэ. С самого начала их брака, распределенного государством, до сегодняшнего дня, он решил, что настало время открыто заявить о нем.

Тун Цинхэ был похож на редкое животное, которое принимает взгляды окружающих. Все были любопытны, но не осмеливались задавать вопросы. Присутствие Цзян Шаочжи заставляло всех молчать.

Весь лагерь все еще строился, он был расположен у моря. Зимний холодный ветер пронизывал лагерь, придавая ему немного унылый и мрачный вид. Он не был таким строгим и

величественным, как другие базы, и оборудование еще не было полностью восстановлено.

Цзян Шаочжи не хотел, чтобы Тун Цинхэ страдал, и старался разместить его в комнате с достаточным отоплением и водоснабжением. Тун Цинхэ хотел спросить, останется ли Цзян Шаочжи с ним, но узнал, что Цзян Шаочжи почти не спит по ночам, ему нужно спешить с завершением работы.

Его глаза были слегка покрасневшими. Он догнал Цзян Шаочжи до двери:

— Ты вернешься к завтраку?

Тун Цинхэ объяснил Цзян Шаочжи:

— Я видел, что в комнате есть небольшая кухня, и там много продуктов и оборудования.

Изысканные блюда он не умел готовить, но некоторое время назад, чтобы отвлечься, он научился у Циуциу готовить несколько питательных завтраков, полезных для желудка.

Цзян Шаочжи обнял его, вернул в комнату и сказал:

— Вернись. На улице холодно, не выходи.

Тун Цинхэ ответил: «Хорошо», остановился, но взглядом провожал Цзян Шаочжи.

Цзян Шаочжи был слишком занят. Даже время, проведенное в нежности, было получено им в обмен на время, предназначенное для отдыха.

После того, как Цзян Шаочжи ушел, Тун Цинхэ сам перемыл все необходимые продукты на кухне, а затем снова их перебрал.

У него была небольшая тревожность. Некоторое время назад, благодаря лечению доктора, он почти полностью восстановился, но в текущей ситуации, после встречи со своим Альфой, эта мучительная тоска не могла полностью успокоиться. Это была исключительно его проблема.

Некоторые эмоции, увидев желанного человека, подобны включенному выключателю. Они бесконечны и не могут быть прерваны. Тун Цинхэ переживал именно это, когда сталкивался с Цзян Шаочжи.

Тун Цинхэ с самого утра суетился вокруг стола. Цзян Шаочжи снял свое холодное пальто, взял посуду из рук Тун Цинхэ:

— Почему ты все время занят?

Тун Цинхэ инстинктивно покачал головой:

— Я не все время занят.

Цзян Шаочжи посмотрел на него и опешил. У двери снаружи дежурили его солдаты. Цзян Шаочжи знал, что Тун Цинхэ лег спать только после полуночи, а потом несколько раз просыпался. Свет то включался, то выключался.

Он сдержался, поднял Тун Цинхэ, посадил его к себе на колени, просунул руку под его одежду и обхватил его тонкую талию. Ребра были заметны, и это немного резало руку.

Обо всем этом Тун Цинхэ не сказал ему ни слова.

Тун Цинхэ закатил глаза:

— Дядя, у тебя появилась щетина.

Шероховатые ладони Альфы вызывали щекотку на теле Тун Цинхэ. Он сдерживал смех и не хотел избегать их интимных прикосновений. Цзян Шаочжи почти не ел сам, кормил Тун Цинхэ завтраком и поднял бровь:

— Поможешь мне умыться? И заодно побрить.

Лицо Тун Цинхэ мгновенно покраснело. Он медленно, но решительно кивнул:

— Угу.

Ванная комната была для них старым местом для укрепления отношений, а также самым знакомым и стыдным местом. В другое время Тун Цинхэ, конечно, попытался бы сначала сопротивляться, чтобы потом Цзян Шаочжи поймал его. Это можно было считать их тайной интимной игрой.

Но он так давно не прикасался к Цзян Шаочжи. В тот момент, когда Цзян Шаочжи спросил, все клетки в теле Тун Цинхэ закипели, кровь нагрелась. Он хотел прикоснуться к Цзян Шаочжи без какого-либо расстояния, и от этой мысли у него защемило в носу и на глазах навернулись слезы.

Тун Цинхэ молча обнял Цзян Шаочжи за плечи, крепко обхватив его за шею.

В комнате была хорошая герметичность. Свежий и сладкий аромат жасмина застенчиво и страстно вырвался наружу, обвиваясь вокруг тела Цзян Шаочжи. Щеки Тун Цинхэ горели, глаза почти наполнились слезами. Запах, исходящий от его желез, был настолько привлекательным, что его Альфа яростно кусал его, пока та не становилась жалкой.

Хлынул горячий поток воды, и Тун Цинхэ едва удержался на ногах. Его еле заметные ногти почти вонзились в кожу Цзян Шаочжи. Каждая часть тела Альфы была жесткой, как и он сам, внушая чувство величия, как будто он никогда не рухнет и всегда будет стоять на ногах.

Такой человек смотрел на Тун Цинхэ. В его глубоких, как пламя, глазах горел жаркий огонь, который согревал его обычно холодный взгляд. Он непрерывно целовал Тун Цинхэ в глаза. Кончики его пальцев ритмично нажимали на железу за шеей, заставляя Тун Цинхэ расслабиться и полностью прильнуть к нему.

Вода была слишком горячей, и Тун Цинхэ не мог дышать. Он приподнял свои влажные ресницы. Холодное лицо Альфы было окрашено другими эмоциями и постоянно увеличивалось в его глазах.

Дыхание Тун Цинхэ участилось. Цзян Шаочжи, целуя его, одновременно высвобождал феромоны, чтобы Тун Цинхэ погрузился в них.

— Хороший мой, дыши расслабленно.

Цзян Шаочжи поднял почти задыхающегося в его шее Тун Цинхэ, целовал его в кончик носа. Он слегка надавил пальцем, заставляя Тун Цинхэ приоткрыть рот, и, не дожидаясь ответа, решительно вошел внутрь.

Сандал, смешанный с жасмином, в горячем пару превратился в аромат, возбуждающий страсть. Тун Цинхэ с мягкими руками и ногами был вынесен из ванной. Все его лицо, включая шею и за ушами, было малиновым.

Тун Цинхэ недавно позавтракал, но сейчас его желудок был пуст. В то время как Цзян Шаочжи выглядел совершенно нормально, Тун Цинхэ не мог не восхищаться огромной разницей в их физической подготовке. Он также расстроился, что на самом деле хотел еще, но его тело не могло выдержать так долго.

Тун Цинхэ покраснел от своих бесстыдных мыслей.

Цзян Шаочжи мягко улыбнулся:

— Когда вернемся, будешь со мной заниматься спортом.

Уложив Тун Цинхэ спать, Цзян Шаочжи поспешно пошел в гостиную и доел остывший завтрак. У него было еще три часа на отдых. Он мог немного поспать, а затем снова заняться работой, чтобы вечером забрать Тун Цинхэ на свадьбу.

Цзян Шаочжи потрогал свою покрасневшую от царапин шею, быстро поел и вернулся в спальню, чтобы прижать к себе Тун Цинхэ вместе с одеялом.

Тун Цинхэ полусонно посмотрел на него и, успокоенный, снова закрыл глаза.

— Дядя, — пробормотал он. — У меня так много всего, что я хочу тебе сказать...

Тун Цинхэ снова уснул, так и не успев ничего сказать. Цзян Шаочжи поправил его сменную одежду и надел на него свою чистую. Сделав это, Цзян Шаочжи подключил коммуникатор к сети. На экране тут же появилось сообщение о нехватке системной памяти.

Он удивился. Неужели в наше время у кого-то еще может быть такая проблема с памятью в коммуникаторе?

Сообщение указывало на переполнение черновиков. Цзян Шаочжи посмотрел на исходящие сообщения, где отображался максимальный объем сохраненных данных, нажал на него и, опешив, пролистал вниз до самого конца.

Цзян Шаочжи убрал коммуникатор. Тун Цинхэ повернулся боком. Он опустил голову, поцеловал его в губы, затем поцеловал покрасневшую железу за шеей.

<http://bllate.org/book/4/128>